

МЕСТО ОБРАЗОВАННОСТИ В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКАЛЕ РИМЛЯН ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ САТИРИКОВ I – II ВВ.)*

Система ценностей (аксиологическая шкала) представляет устойчивую фундаментальную структуру общественного сознания: убеждения, привязанности, нравственные принципы поведения, жизненные приоритеты. Она пронизывает собою культуру общества и культуру его социальных групп [1]. Она является также осью сознания индивида, обеспечивающей устойчивость личности, преемственность определённого типа поведения и деятельности; это важнейший фактор, детерминирующий мотивацию личности и механизмы её поведения. Ценности являются обобщёнными кодексами индивидуальной и общественной жизни, которые обуславливают политические, нравственные, мировоззренческие убеждения индивидов и групп относительно того, что является для них достойным желанием. Ценности играют существенную роль в интегрировании системы личности и социокультурной системы, обеспечивая их адекватность [2].

Попытки понять систему римских ценностей предпринимались в исторической науке с начала 70-х гг. XX в., и многие авторы, даже не обозначая римскую аксиологию как предмет своего исследования, в той или иной степени затрагивали эту проблему. Однако обобщающих трудов до сих пор не создано, и система-

плане аксиологических исследований выглядят попытки показать «душевные движения» римского народа в процессе его исторического развития, выявить наиболее устойчивые и, напротив, подверженные трансформации ценностные ориентиры [5]. Система ценностей римлян, по утверждению С.Л. Утченко, несмотря на явления «камуфляжности», связанные с ориентацией на традицию, на опыт предков, претерпевала изменения как под воздействием внешних факторов, так и по мере усложнения жизни римского общества, особенно в кризисные, переломные моменты римской истории [6]. С.Л. Утченко также отмечает, что ценности древних римлян могли не только последовательно сменять друг друга, – они могли сосуществовать, создавая взаимоисключающие оппозиции по мере углубления противоречий между личностью и обществом [7]. Г.С. Кнабе одним из пер-

вых в отечественной науке приступил к изучению истории древнего мира «изнутри», «глазами» ее создателей. Он сделал ряд ценных замечаний о категориях престижности как о совокупности мотивационных механизмов деятельности и кодексов индивидуального поведения.

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ГО 2 – 2.1 – 28 Минобразования России по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук.

лизированное представление о ценностных ориентациях древних римлян эпохи принципата всё ещё отсутствует.

Авторы либо вообще не вводят понятие ценностей и описывают идеально-нравственные ориентиры римских граждан в этических, моральных категориях [3], либо пытаются противопоставить древнегреческие и древнеримские ценностные ориентации [4]. Оптимально в

правилах на общественное признание и воздаяние *Honos* – почета, славы, награды, похвалы. В силу своего характера категории престижности имеют экстравертивный характер: они ждут чужой оценки, признания и поэтому обратно-пропорциональны индивидуально-духовному содержанию культуры [8]. Система ценностей римского народа, существовавшая в республиканский пери-

од, тоже была экстравертивной, отмечает Г. С. Кнабе, и претерпела радикальные изменения только в период Империи. Желание заняться самопознанием, стремление определить свое место в социуме, позаботиться о своей душе могли способствовать превращению образования в одну из важнейших ценностей жизни римского народа [9], делает вывод исследователь. Отмечая такую важнейшую черту римского «национального характера», как открытость внешнему миру, способность к избирательному заимствованию, Г.С.Кнабе вплотную подводит нас к мысли о психоэмоциональной мобильности римлян и позволяет создать представление об одном из механизмов формирования римской аксиологической шкалы через преклонение перед греческой культурой, филэллинством.

Другим механизмом, определявшим модель поведения древнего римлянина, следует считать ориентацию на «кодекс чести» политических деятелей, и прежде всего римских императоров. Восхваляемые апологетами монархического режима добродетели императоров, среди которых особо выделялись широкая образованность, развитые эстетические вкусы, красноречие, философское мировоззрение, превращались в жизненные ориентиры подданных самодержцев. На это явление в идеологической жизни Римской империи обратила внимание Е.М.Штаерман [10].

Среди инструментов познания ценностных ориентаций римлян императорской эпохи важное место принадлежит произведениям художественного творчества, прежде всего *римскому литературному наследию*.

Универсальный, всеохватывающий, всепроницающий характер литературы, неотделимой от жизненного опыта и социальной практики народа, отмечен Ю.Б.Боревым [11]. На роль литературы в формировании взглядов и вкусов общества, его социально-политических и философских воззрений обратил внимание С.Л.Утченко [12]. А.Г.Ковалёв выделил в литературных произведениях способность служить индикатором обществен-

ных настроений, общественной психологии [13].

Из всех жанров литературы, созданной в эпоху Римской империи, максимальную связь с социальной психологией населения державы имела *сатира*. А.Бергсон, Ю.Б.Борев, Л.С.Выготский, Л.В.Карасев, С.Л.Рубинштейн, П.В.Симонов [14], изучавшие природу смеха с психологической, эстетической, культурологической точек зрения, считают, что смешное, безобразное выступали как антипод ценного и прекрасного; ирония облегчала восприятие несовершенного мира с позиций возвышающегося над ним идеала, с позиций высших ценностей. Совместимость жизненных ценностей автора сатирических произведений и его аудитории позволяет создать представление об индивидуальных и надиндивидуальных, принятых в обществе идеалах и жизненных ориентирах.

М.И.Борецкий, М.Л.Гаспаров, В.С.Дуров, А.А.Кроник, И.М.Тронский [15], исследовавшие сатирические произведения, созданные в эпоху Империи, отмечали, что характерная черта римской сатиры – заостренное внимание к индивидуальному бытию, к повседневной действительности изображаемого персонажа. Однако «образ человека в культуре – не что иное, как коллективное самоописание» [16], поэтому писатель, создавая образ героя, максимально типизирует его, что позволяет ему через персонажей сообщать информацию о современной ему реальности как о макросреде, в которой формируются ценности, о типических отношениях и представлениях, порожденных колоритом времени.

Обозначенные подходы к изучению литературного наследия императорской эпохи и сатирических произведений, в том числе, создают методологическую конструкцию, использование которой позволит нам определить аксиологическую шкалу древних римлян и ее изменения в ходе развития римской цивилизации.

В центре нашего внимания находятся произведения выдающихся мастеров сатирического жанра: Кв. Горация

Флакка [17] (65 – 8 гг. до н.э., сына вольноотпущенника, впоследствии учителя и наставника римского народа, выразителя идей и вкусов небогатых, но культурных рабовладельцев), басни Федра [18] (15 г. до н. э. – 70 г., вольноотпущенника Императора Цезаря Августа, представителя низовой «массовой» культуры), сатиры Авла Персия Флакка [19] (34 – 62 гг., богатого всадника, одержимого философией стоицизма, бескомпромиссного обличителя человеческих пороков), «Сатирикон» Петрония Арбитра [20] (первая половина I в., приближённого императора Нерона, «арбитра изящества», приверженца праздного образа жизни), «Эпиграммы» М. Валерия Марциала [21] (ок. 42 – ок. 101 – 104 гг., уроженца Испании, всадника, любимца читателей самого различного социального статуса), сатиры Децима Юния Ювенала [22] (ок. 60 – ок. 127 г., образованного вольноотпущенника, адвоката, «независимого» обличителя, пессимиста, уповающего на патриархальную старину), занимательные сценки Бабрия [23] (первая пол. II в., уроженца восточных провинций, добродушного юмориста, по-аристократически презирающего чернь), сатирические романы Апулея [24] (II в., африканца, сына состоятельного чиновника, увлекавшегося риторикой и философией, обличителя пороков провинциального общества). Они могут нам дать представление о духовной жизни и общественной психологии самых различных социальных, этнических, профессиональных слоёв и групп населения Римской империи эпохи принципата.

Произведения римских сатириков – любопытнейший источник сведений о ценностном сознании, направленном на осмысление и решение практических и мировоззренческих проблем: определение жизненных приоритетов, выбор жизненного пути, самооценка собственных способностей и возможностей, взвешенный подход к распределению средств достижения поставленных целей. Соотнесённость ценностного сознания одновременно и с целью существования индивида, группы, общества, и с механиз-

мом её достижения позволяет специалистам классифицировать ценностные ориентации как ценности – цели (или терминальные, Т – ценности) и ценности – средства (инструментальные, И – ценности). Этой градации придерживается ряд психологов, например, М. Рокич, разработавший специальную методику их исследования [25], которой будем следовать и мы.

Систему ценностных ориентаций принято рассматривать в определённой иерархии. Метод ранжирования позволяет предположить, что ценности, расположенные иерархически выше, выступают в качестве целевых по отношению к находящимся ниже. К примеру, экспериментально было подтверждено, что ценности, выделяемые как приоритетные, «имеют и целевой аспект, а расположенные ниже по иерархии Т – ценностей» ведут себя «как инструментальные и менее устойчивые. Они выступают целями второго порядка, то есть средствами достижения более значимых целей. Что же касается ценностей с самыми низкими рангами, то их стабильность скорее всего говорит о периферийном положении в ценностной структуре. В списке инструментальных ценностей это означает, что они в сущности отвергаются в качестве активных средств деятельности, а в списке терминальных – что они рассматриваются как несущественные цели» [26].

И ещё одну особенность следует подчеркнуть: Т – ценности являются более стабильными по сравнению с И – ценностями; высказываемые к ним отношения более единодушны, тогда как в отношении к инструментальным выявляется большая индивидуализация [27].

В целом же система ценностных ориентаций характеризуется «адекватной совокупностью ценностей – целей и ценностей – средств, между которыми существует диалектическая связь» [28].

Применение методики М. Рокича предполагает использование контент-анализа, или качественно-количественного исследования текста сатирических произведений, созданных в Римской империи в I – II вв.

Технология описания применённого метода сводится к следующим положениям:

1. Выявление ценностных ориентаций жителей Римской империи эпохи принципата (приложение 1).

2. Фиксирование частотности упоминаний Т – ценностей и И – ценностей в каждом произведении названных авторов сатирических произведений (приложение 2).

3. Ранжирование ценностей внутри двух списков для каждого отдельно взятого произведения.

4. Выяснение среднего ранга каждой ценности при анализе всех произведений одного автора.

5. Компаративный анализ Т – ценностей и И – ценностей в сочинениях римских сатириков для выяснения индивидуальных систем их ценностных ориентаций.

6. Соотнесение жизненных ценностей автора сатирических произведений с аудиторией его поклонников и реконструкция представлений о принятых в общественных слоях и группах идеалах, жизненных ориентирах и путях их достижения.

7. Описание динамики отношения жителей ранней Римской империи к отдельным жизненным целям и средствам их достижения в соответствии с выявленными изменениями рангов конкретных ценностей в хронологическом аспекте.

8. Воспроизведение системы ценностных ориентаций населения Римской империи I – II вв. по иерархии ценностей – целей и ценностей – средств.

Итак, подвергнув произведения римской сатиры, созданные в I – II вв., качественно-количественному анализу с целью выявления места образованности в системе ценностных ориентаций жителей ранней Римской империи, мы пришли к следующим выводам.

На заре истории римской цивилизации был сформирован «моральный кодекс», шкала римской системы ценностей, которая просуществовала до II в. до н.э. В неё входили благочестие (*pietas*),

верность (*fides*), серьёзность (*gravitas*), твёрдость (*constantia*), объединённые понятием *virtus* (добродетель, доблесть), соединявшим в себе военное мужество с ревностным исполнением гражданского долга. Четыре основные добродетели римского народа тесно соприкасались и переходили одна в другую. Верность была прежде всего верностью гражданской общине, неразрывно связанной с благочестием, означающим благоговение перед «договором» общины с богами. Верность общине означала, таким образом, верность её богам.

Важнейшими нравственными ориентирами считались также воинственный дух, достоинство всех внешних форм, строгие порядки. В женщинах особо ценилось целомудрие.

Республиканская эпоха с её выборностью и сменяемостью должностных лиц, созывами комиций, заседаниями сената, где определялась судьба *civitas*, добавила в список ценностей магистратское служение государству как проявление патриотизма и верности гражданской общине.

Сохранение освящённых традиций нравственных устоев *civitas* представлялось не иначе как поддержание божественного миропорядка, определяющего место общины во Вселенной.

Система ценностей служила эталоном поведения личности. Любые отклонения от неё воспринимались как угроза, способная внести разлад в межличностные и «договорные» отношения с богами, привести к необратимым, губительным последствиям. Пороками, т.е. «антиценностями», считались: алчность, корыстолюбие (*avaritia*) – им противопоставлялась бережливость (*parsimonia*); эгоистическая расточительность (*luxuria*) – подменявшая щедрость для общины в целом (*munificentia*); высокомерие (*superbia*) – как антипод серьёзности; свирепость (*crudelitas*) – как оппозиция жажде славы (*cupido gloriae*).

Причинами бед и несчастий римского государства, охватившими его после Пунических войн и начавшегося вслед за этим распространения чужезем-

ного влияния, в римской исторической литературе называются амбициозность (*ambitio*) – стремление к власти любой ценой и алчность как распространённые явления в аристократической среде (Sall. *De Catil.* 10 (3)).

Упадок нравов римского общества, по мнению современников событий II – I вв. до н.э., был вызван изменениями направления жизненных ориентиров отдельных граждан: направленностью их помыслов и поступков не на благо и процветание гражданской общины и республики, а на удовлетворение собственных эгоистических интересов. Однако сам факт появления жизненных ориентиров, не связанных с рудиментарными представлениями об идеальном, был показателем кризиса традиционной системы ценностей, её закостенелости, неактуальности в изменившейся социально-политической среде.

Завершение «эпохи гражданских войн» и формирование нового режима империи изменили парадигматическую шкалу ценностей. В её основе уже лежала не враждебная окружающему миру, в частности, эллинистическому влиянию, мораль замкнутой гражданской общины и недифференцированной совокупности всех её граждан, но имперская, космогоническая мораль *mos Romani*. Шкала ценностей стала выглядеть как совокупность *virtus, clementia, iustitia, pietas*. В ней сохранялась связь с традицией в виде отдельных компонентов: доблесть, благочестие, но в то же время появились и новые элементы: *clementia* – добродетель победоносного народа, политическая добродетель сильного и справедливого, и *iustitia* – справедливость.

Характерно, что по-прежнему система ценностей имела экстравертивный характер; по-прежнему понятия морально-этического уровня обладали одновременно и политической направленностью. Этот феномен объясняется тем, что «политика» и «политическая жизнь» в Риме были профессиональной сферой деятельности полноправного гражданина, его единственно возможной пока формой самореализации. С другой стороны,

именно по этой причине для римского общественного сознания качества политического деятеля, «политика» всегда коррелировались с общечеловеческими моральными категориями. Политический облик государственного деятеля был неотделим от его «общечеловеческих» свойств, соответствия идеалу. Антитеза «плохой человек» – «хороший политик» была неприемлема для римлянина, поэтому политические противники в борьбе за должности не гнушались чернить оппонента, выявлять его пороки, подчёркивать аморальность [29].

Новые элементы системы ценностей определяли место справедливого, великодушного доблестного гражданина Рима в созданной им «мировой» державе. Своими корнями, помыслами, ощущениями римляне по-прежнему были связаны с *civitas*, но она становилась центром Вселенной, и через неё римский гражданин мог воспринимать себя уже гражданином мира.

Элемент «престижной стилизации» пронизывал систему идеальных нравственных норм архаичного, республиканского и раннеимператорского Рима. Престижность по своему смыслу обращена вовне, ждёт чужой оценки и потому обратно пропорциональна индивидуально-духовному содержанию культуры [30]. Становление личностного самосознания, индивидуально-нравственного чувства ответственности, появление рефлексии интимных радостей, горестей было возможным лишь при преодолении этого полисного наследия: растворённости во внешнем, нивелированном, престижном.

Начало этому процессу было положено второй волной эллинизации в эпоху «золотого века» империи (II в.), когда Римом стала вся империя, возникло единое культурное пространство. Разочарование в «рациональных» способах постижения истины, сомнения в разумности миропорядка, глубокий скепсис и неверие в активные формы жизнедеятельности заставили человека уповать на «внемлющих» и «добрых» богов – избавителей, но, что более важно, заниматься

самопознанием, поиском истины и истинного счастья, своего места в мире, заботиться о спасении своей души. В системе жизненных ориентиров появляются обращённые вовнутрь человека интровертивные установки, которыми он руководствуется в своей личной жизни, полностью эмансипируясь от гражданской общины.

В эпоху империи отчётливо различаются два вида ценностей человека: терминальные – конечное, ожидаемое состояние существования человека, его идеалы, высшие образцы, к которым он должен стремиться, и инструментальные – концепции желательного модуса поведения, средства достижения идеального. Ценности терминальные более стабильные, отношение к ним более единодушное, тогда как в отношении к инструментальным ценностям выявляется больше индивидуализма [31], однако оба вида ценностей теснейшим образом связаны.

Целью жизни в I – III вв. становится самопознание как первый шаг к определению места человека в системе общественных отношений, к нахождению вида деятельности, который позволил бы максимально реализовать себя (Petr. Sat. 3(60); Sat. K. IV 11 (27-28); Mart. Ep.K. 11, 64 (1-4, 10)). Такой деятельный, сугубо практический подход к жизни – отличительная черта римского характера, в котором проявляется также громадная целеустремлённость, дисциплинированность, организаторские способности [32].

Судя по произведениям сатириков, для римлян этого времени наиболее желательными целями жизни являлись достижение богатства, материальной обеспеченности, экономической стабильности и связанное с этим времяпрепровождение, полное удовольствий. Богатство, главным образом в виде денег, позволяло не только получить независимость, но и изменить социальный статус, продвигаться по служебной лестнице (Fedr. Vas. A. 14 (2)). Идеология «материального и духовного изобилия» пришла на смену простоте, скромности, умеренности раннереспубликанской эпохи, полностью

вытеснив эти понятия из сознания. «Непрерывная цепь одних только наслаждений, не сменяемых ни трудом, ни борьбой, вызывала сначала погоню за новыми наслаждениями, которые превзошли бы старые и могли бы щекотать притупленные нервы, а это влекло за собой увлечение противоестественными пороками, изощрённую жестокость»[33].

Целенаправленное стремление жить во имя получения всё новых удовольствий приводит к обесцениванию других целей жизни («покуда живёшь, пей и гуляй!» – Petr. Sat. 34).

Новыми звеньями в системе ценностей являлись *жизненный опыт, жизненная мудрость*. Мудрость ценится сатириком за то, что она «всякий вскрывает порок и все постепенно ошибки, прежде всего научая нас жизни правильной» (Juv. Sat. K. V. 13 (188 – 189)). Бабрий называет человеческий разум высшим даром богов и сожалеет, что «иные из людей, которых бог наделил разумом, не осознают этой чести» (Bab. Vas. 155).

Образованность, учёность, заимствованные из идеализированных образов эллинистических монархов и перенесённые сначала на римских императоров, отождествлявших себя с империей, постепенно начали проецироваться на людей, к ним приближённых. Ориентация же на жизнь правящих особ и других носителей власти вызывала новую волну стилизации, направленную в данном случае на обретение знаний, достижение учёности.

Образованность и связанное с ней красноречие занимают высокое, пятое место, среди инструментальных ценностей. По выражению Петрония, «наука, друг, сокровищница мыслей, ремесло век не умрёт» (Sat. 46). Ему вторит Ювенал:

«Доброе дело – народу, отечеству
дать гражданина,

Если его создашь ты полезным для
родины, годным

Для земледельца работ, для военных
и мирных занятий.

*Больше всего будет значить, как
ты наставишь наукам,*

Нравам его»... (Sat. K. V. 14 (70-74)).

Цели обучения, приобщения к образованным слоям населения воспринимались сатириками, выражавшими умонастроения своих поклонников и свои собственные убеждения, по-разному. Для Ювенала, как это следует из приведённого выше фрагмента, образование было надёжным средством реализации внутреннего потенциала человека, который, получив «наставления» в науках, мог быть одинаково полезен для военных и мирных занятий своей родины. «Полезность» для отечества, гарантированная высокими нравственными стандартами обучения и соединённая с воспитанием, однако, мало интересовала преуспевающих представителей третьего сословия, изображённых Петронием: «Любовь к изящному ещё никого богатым не сделала» (Sat. 83). Для них образованность – это овладение ремеслом, в том числе мастерством врача, знаниями юриста, которые были способны окупить себя в ближайшем будущем. Это – источник гарантированного заработка, стабильного социального статуса, уважения в обществе, которые могут быть отняты у человека только его смертью: «Ну купил я ему книжки красные, потому что хочу, чтобы он права нюхнул. *Хлебное дело...*, – у него, кроме Орка, никто не отнимет. Вот и ору на него каждый день: чему бы ни учился, для себя учишься», – говорит о своём восприятии образования один из гостей Трималхиона (Pet. Sat. 46).

В восприятии Ювенала и аудитории, на поддержку которой он рассчитывал, наука влияет на траекторию жизни индивида, так как, насыщая его мудростью, она превращается в управительницу его судьбы:

«Мудрость, которую нам наставленья несёт в философских

Книгах, победу даёт над судьбой...» (Juv. Sat. K. V. 13 (19 – 22)).

Поклонникам Ювенала вторит Федр, который среди ценностей – целей наиважнейшей называл мудрость, а среди ценностей – средств чаще всего упоминал образованность: «Учёный муж всегда

богат учёностью» (Fedr. Vas. K. IV 23 (1)).

В то же время «чистая» учёность – ценность самого знания как основы широкого кругозора, богатой эрудиции, щедрого красноречия, эстетики слова – начинает терять своё значение. «Кто нынче вступает в храм [учёности], творя обеты единственно для того, чтобы обрести красноречие?» – спрашивают герои Петрония (Sat. 88) и добавляют:

«... Красноречие, дрожа в одеянии заиндевелом,

Голосом слабым Искусства зовёт, забытые всеми» (Sat. 83).

Одним из новых ориентиров, связанных с получением образования, становится быстрая служебная карьера, например, выполнение обязанностей судей выпускниками риторических школ. Зарождается трезвый расчёт в выборе направления учебной деятельности, к примеру, предпочтение юридических школ риторическим. С чисто римским прагматизмом и разборчивостью Апулей, африканец по происхождению, восхваляет римскую систему юриспруденции, тем самым объясняя причины превращения её в новый ориентир образовательной деятельности молодёжи: только в Римской империи были созданы условия «...для того, чтобы судопроизводство происходило должным образом и по обычаям предков, чтобы приговор был вынесен юридически правильно, после того, как будут выслушаны обе стороны, чтобы ни один человек не был осуждён не выслушанным, как в странах, где господствует варварская жестокость или тиранический произвол, и не был бы дан грядущим векам пример столь дикого явления в мирное время» (Ap. Met. K. X (6)).

Интерес к философии, столь почитаемой в классической Греции, в период ранней Римской империи, напротив, падает, о чём сообщает Петроний: «Где диалектика? Где к разумению верный путь?» (Sat. 88). Для Персия, как и для персонажей Петрония, философия, но не физика и диалектика, два важнейших её раздела, а этика, исключительно в стои-

ческом образце, была средством сохранения душевной свободы и абстрагирования от пороков окружающего мира. Обретению внутренней раскрепощённости могла в какой-то степени способствовать развивающаяся художественная культура населения Римской империи.

Любовь к искусству, красоте, художественным ценностям, которые раньше не являлись предметом желаний и стремлений, также становится новым элементом аксиологической системы, что может быть связано с развитием эстетических вкусов у римлян под влиянием привнесённых из других культур традиций, сосуществовавших в едином романизованном пространстве империи.

Любознательность, не упоминавшаяся сатириками I в., получила признание и высокую оценку Бабрия (Bas. 158), Апулея (Met. K. II (6), XI (5)). Данный факт может служить отражением *открытости римлян к восприятию любой новой информации*, как научной, так и иррациональной: увлечению магией, мистикой чисел, астрологией, мистериальными культами, гностицизмом. В то же время любознательность занимает лишь десятое, последнее место в выделенном нами списке ценностей – средств римлян эпохи империи.

Ценность «свобода» в императорскую эпоху претерпела серьёзную содержательную трансформацию в силу смещения акцентов на представление о ней исключительно как духовной категории, внутреннего состояния личности, не зависящего от реального положения человека (Pet. Sat. 39; 57; 5 (83 – 86; 124 – 125); Mart. Ep. K. VI. 11 (68 – 71); Juv. Sat. K. IV. 11 (154 – 155)). Это могло быть закономерным следствием превращения граждан империи в подданных императора, с одной стороны, и распространением идей стоицизма о преимуществах духовной свободы над физической и социально-иерархической, – с другой.

Среди инструментальных ценностей выявляется тенденция роста значения таких индивидуальных качеств, как *жизнерадостность, остроумие* (Mart. Ep. K. VI. 28(1 – 7); Petr. Sat. 131). Види-

мо, римляне эпохи империи испытывали возрастающую потребность в гальванизации положительных эмоций, в эмоциональной разрядке. С другой стороны, смех как коллективная реакция на негативные явления в жизни мог служить средством объединения различных групп населения для нейтрализации пороков, пагубных страстей и выполнять, таким образом, функцию катарсиса – очищения общества через демонстрацию его собственных проблем.

Реакцией на разрушение общинных связей, механизмов консолидации общества можно назвать появление в качестве жизненного ориентира стремление к созданию дружеских союзов (Bab. Bas. 44 (7 – 8); Fedr. Bas. K. III. 9(1); Mart. Ep. K. XII. 34 (8 – 10)), заключение браков и создание семьи, где царят верность и целомудрие супругов, взаимопонимание (Mart. Ep. K. IV. 13 (7 – 10); Petr. Sat. 131).

Чуткость, доброта, сострадательность, упоминаемые в контексте описания чувств жён, дочерей, добродетельных матерей, могли заменить уходящие в прошлое отношения согласия и верности, характерные для *civitas* республиканского периода.

Таким образом, в изменившихся политических, экономических, идеологических условиях перед каждым человеком стояла задача не только приспособиться к окружающей действительности, но и определить свои предпочтения, выявить значимые для себя жизненные ценности. Эта задача носила строго индивидуализированный характер в условиях ослабления консолидирующих тенденций Римской империи. Ситуация усложнялась тем, что процессы развития империи и появление новых духовных потребностей происходили асинхронно. Кроме того, создавались новые аксиологические модели на базе утрачивающих свою целостность и значимость староримских добродетелей, которые, тем не менее, в отдельные периоды напоминали о себе сохранением в сознании человека ориентации на традицию, культивировавшуюся «коллективной памятью».

Традиция перенесла из прошлого социального опыта римской гражданской общины в новую историческую среду представления о религиозности и религиозном благочестии как нравственном стержне человека, необходимость поддерживать установленный богами миропорядок, например, социальную иерархию, семейственность, потребность в общественном признании, ответственность и верность долгу.

Однако реальность вносила даже в эти (самые устойчивые в сознании человека идеалы) свои, весьма существенные коррективы. Чувство отдалённости или изоляции от разрушающихся социальных структур (общины, семьи, корпораций) высвобождало импульсы к эгоистическому поведению, направленному на получение личных благ, удовлетворение собственных материальных и, что более важно, интеллектуальных запросов. Например, утраченными оказались представления о высокой ценности свободы, принадлежности к категории римских граждан, магистратское служение государству, умеренность в быту. Смелость, доблесть, мужество занимают последнее место в списке инструментальных ценностей, хотя в предшествующую эпоху эти качества наполняли содержание понятие «virtus». Появились новые способы достижения целей: скопидомство, корыстолюбие, хитрость, привлечение на свою сторону общественного мнения, хотя не имелось на то ни заслуг, ни доблестей.

Разрушенная целостность ценностных ориентаций и появившиеся в ней пробелы заменяются новыми идеями и представлениями, которые получают важное общественное и индивидуальное значение, хотя некоторые из них имеют характер «антиценностей», например, погоня за роскошью и удовлетворениями разного рода. Сравнение ценностных ориентаций римлян эпохи республики и империи позволяют нам сделать вывод о том, что значение образования резко возрастает после включения Греции в состав римских провинций (1); в «эпоху гражданских войн» и борьбы за власть римских политических деятелей, ораторские

данные которых, определяемые образованностью, могли снискать им новых сторонников (2); в эпоху ранней империи, когда создавался идеализированный образ «просвещённого» монарха (3); в эпоху «золотого века», при новой волне преклонения перед греческим культурным наследием (4); в поздней империи, когда формировались новые представления о желаемой аксиологической модели поведения человека, обращённого к тайнам самопознания и самоидентификации (5).

Таким образом, образование, просвещённость народа не являлись изначальной ценностью древних римлян. Как категория интровертивного уровня, или инструментальная ценность – средство, образование превращается в жизненный ориентир в период пробуждения индивидуального самопознания. Оно заявляет о себе как потребность при выделении человека из *civitas* и его автономизации. Со временем образование как форма интеллектуального развития личности превратилось в одно из средств достиже-

ния власти и славы (четвёртая Т – ценность), стабильного материального положения (первая Т – ценность), высокого социального статуса в системе социальной иерархии (третья Т – ценность). Обогащённое внешними влияниями и взаимодействиями, образование стало средст-

вом самореализации и самоидентификации личности и, вместе с тем, фактором быстрого культурного расцвета Римской империи, одним из столпов создания собственной римской культурной традиции.

Библиографический список

1. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. С. 170.
2. Ручка А.А. Ценностный подход в системе социологического знания. Киев, 1987. С.117.
3. Дуров В.С. Нерон, или актер на троне. Спб., 1994; Сергеенко М.Е. Ремесленники древнего Рима. М., 1968; Штаерман Е.М. Человек и космос в мире Рима // ВДИ. 1992. № 3. С. 179–210.
4. Утченко С.Л. О некоторых особенностях античной культуры // ВДИ. 1977. № 1. С. 5–12.
5. Быт и история античности / Под ред. Г.С. Кнабе. М., 1988; Его же. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981; Чаплыгина Н.А. Римская женщина в правление Августа // Женщина в античном мире / Под ред. Л.П.Маринович, С.Ю.Сапрыкина. М., 1995. С. 104–131.
6. Утченко С.Л. Две шкалы римской системы ценностей // ВДИ. 1972. № 4. С. 19–32.
7. Там же.
8. Кнабе Г.С. Быт и история античности. Указ. изд. С. 170.
9. Его же. Культура античности // История мировой культуры / Отв. ред. С.Д.Серебряный. М., 1998. С. 183–204.
10. Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // ВДИ. 1994. № 3. С. 5.
11. Боров Ю.Б. Эстетика. М., 1981. С. 308.
12. Утченко С.Л. О некоторых особенностях античной культуры // ВДИ. 1977. № 1. С. 6.
13. Ковалёв А.Г. Психология литературного творчества. Л., 1960.
14. Бергсон А. Смех // Психология эмоций. М., 1993; Боров Ю.Б. Эстетика. Указ. соч.; Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1986; Карасев Л.В. Антитеза смеха // Человек. 1993. № 2. С. 12–31; Его же. Смех и будущее // Человек. 1994. № 1. С. 54–64; Его же. Смех и зло // Человек. 1992. № 3. С.14–28; Рубинштейн С.Л. Эмоции // Психология эмоций: Тексты. М., 1973; Симонов П.В. Информационная теория эмоций // Психология эмоций. М., 1993.
15. Борецкий М.И, Кроник А.А. Опыт анализа некоторых сторон социально-психологической атмосферы античной литературной басни (Федр, Бабрий, Авиан) // ВДИ. 1978. № 3. С. 157–165; Гаспаров Л.М. Политический смысл литературных сатир Горация // ВДИ. 1960. № 2. С. 57–65; Дуров В.С. Жанр сатиры в римской литературе. М., 1987; Тронский И.М. История античной литературы. М., 1987.
16. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 111.
17. Гораций. Сатиры // Римская сатира / Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1989. С.33 – 97.
18. Федр. Басни // Федр, Бабрий. Басни / Под ред. Ф.А. Петровского. М., 1995. С. 7 – 90.
19. Персий. Сатиры // Римская сатира. Указ. изд. С. 97 – 117.
20. Петроний. Сатириконт // Петроний. Апулей / Под ред. И.П.Стрельниковой, Е.А.Ромашкиной. М., 1994. С. 25 – 155.
21. Марциал. Эпиграммы. Спб., 1994.
22. Ювенал. Сатиры // Римская сатира. Указ. изд. С. 241 – 343.
23. Бабрий. Басни // Федр, Бабрий. Басни. Указ. изд. С. 90 – 186.
24. Апулей. Метаморфозы // Петроний. Апулей. Указ. изд. С. 155 – 347.
25. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения / Под ред. В.А.Ядова. Л., 1979. С. 208 – 209.
26. Там же. С. 51 – 52.
27. Там же. С. 50 – 52.
28. Ручка А.А. Социальные ценности и нормы. Киев, 1976. С. 40.
29. Утченко С.Л. Ещё раз о римской системе ценностей // ВДИ. 1973. № 4. С.43 – 44.
30. Кнабе Г.С. Категория престижности в жизни древнего Рима // Быт и культура в античности. Указ. изд. С.170.
31. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения / Под ред. В.А.Ядова. Л., 1979. С. 50 – 52.
32. Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов н/Д, 1994. С.143.
33. Каутский К. Происхождение христианства. М., 1990. С.77.

Приложение 1

СПИСОК А: Терминальные ценности

1. Свобода.
2. Принадлежность к категории римских граждан.
3. Счастливая семейная жизнь.
4. Жизненная мудрость, жизненный опыт.
5. Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве).
6. Материальная обеспеченность, богатство.
7. Дружба (наличие хороших и верных друзей).
8. Общественное признание.
9. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком).
10. Труд.
11. Удовольствия, роскошь (жизнь, полная удовольствий).
12. Представления о социальной стратификации, определённое место в ней.

СПИСОК Б: Инструментальные ценности

1. Смелость, доблесть, мужество.
2. Ответственность (чувство долга, верность слову, клятве).
3. Честность (правдивость, искренность).
4. Жизнерадостность (остроумие).
5. Любознательность (любопытство).
6. Чуткость (доброта, заботливость).
7. Расчётливость (хитрость).
8. Воспитанность.
9. Бережливость (жадность).
10. Умеренность (скромность, простота).
11. Образованность (красноречие).
12. Религиозность.

Приложение 2

Терминальные ценности

Средний ранг	Ценности	АВТОРЫ							
		Гораций	Федр	Персий	Петроний	Марциал	Ювенал	Бабрий	Апулей
		кол-во ранг							
1.	Богатство: материально обеспеченная жизнь	11 2	18 2	4 2	29 1	69 4	29 1	16 4	19 4
2.	Удовольствия, роскошь (жизнь, полная удовольствий)	17 1	– –	5 1	23 2	104 1	11 5	4 9	15 5
3.	Представления о социальной стратификации	6 5	15 3	2 4	14 3	76 2	14 3	15 5	31 2
4.	Общественное признание	8 4	11 5	3 3	11 4	75 3	15 2	9 4	23 3
5.	Счастливая семейная жизнь	6 5	14 4	– –	9 6	64 5	14 3	21 3	36 1
6.	Жизненная мудрость, жизненный опыт	– –	26 1	5 1	6 9	35 10	6 7	34 1	14 6
7.	Дружба: наличие хороших и верных друзей	9 3	3 8	1 5	10 5	56 7	6 7	25 2	8 9
8.	Принадлежность к категории римских граждан	5 6	– –	1 5	10 5	61 6	13 4	– –	14 6
9.	Труд	4 7	5 7	3 3	4 10	39 8	4 8	25 2	11 8
10.	Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве)	– –	6 6	– –	8 7	37 9	7 6	8 7	13 7
11.	Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	3 8	2 9	– –	9 6	29 11	4 8	6 8	14 6
12.	Свобода	2 9	5 7	2 4	6 9	– –	1 9	– –	5 11

Средний ранг	Ценности	АВТОРЫ							
		Гораций	Федр	Персий	Петроний	Марциал	Ювенал	Бабрий	Апулей
		кол-во ранг							
1.	Бережливость (жадность)	3 6	11 3	3 3	8 2	47 2	21 1	15 2	4 8
2.	Жизнерадостность (остроумие)	2 8	7 5	– –	3 5	42 3	5 4	15 2	15 1
3.	Умеренность (скромность, простота)	12 3	8 4	5 1	2 6	33 5	6 3	13 3	9 5
4.	Образованность (красноречие)	3 6	19 1	4 2	6 4	7 9	4 5	– –	– –
5.	Ответственность (чувство долга, верность слову, клятве)	7 3	12 2	1 5	8 2	21 7	1 7	10 6	12 3
6.	Честность (правдивость, искренность)	9 2	5 7	1 5	2 6	41 4	9 2	13 3	7 6
7.	Религиозность	4 5	4 8	2 4	7 3	1 1	5 4	17 1	15 1
8.	Воспитанность	1 9	– –	2 4	3 5	– –	2 6	– –	– –
9.	Расчётливость (хитрость)	– –	2 9	– –	13 1	9 8	– –	12 4	11 4
10.	Чуткость (доброта, заботливость)	5 4	6 6	– –	1 7	27 6	5 4	11 5	5 7
11.	Смелость, доблесть, мужество	2 7	4 8	– –	– –	9 8	6 3	7 7	14 2
12.	Любознательность	– –	– –	– –	– –	– –	– –	1 8	14 2